

информативного материала, что является одним из важных условий эффективности урока, влияющих на его воспитательную ценность, на развитие учащихся. Преподавая иностранный язык (фонетику, грамматику, лексику и др.), необходимо параллельно общаться с учащимися на разные темы, обучать их культуре и манерам изучаемого языка, использовать языковые навыки по коммуникативно направленной методике, максимально проводить урок на турецком языке, давая возможности каждому студенту участвовать в процессе говорения.

Литература:

1. Ачан Н. М. Использование возможностей сети Интернета при изучении турецкого языка / Н. М. Ачан, М. Л. Ланских // Уральское востоковедение: международный альманах. — Екатеринбург: [Изд-во Урал. ун-та], 2015. — Вып. 6. — С. 261-269.
2. Гукова Е. Деятельность ЮНЕСКО по сохранению языкового разнообразия. Документальный аспект. URL: // <http://mgs.org.ru/2013/12/gukova/> (Дата обращения: 01.12.2013).
3. Колшанский, Г. В. Лингвокоммуникативные аспекты речевого общения. // Иностранные языки в школе. — 1985. — № 1. — С. 10–14.
4. Молодых-Нагаева Е.Г., Чувильская Е.А. Иностранный язык в неязыковом вузе: как мотивировать студента? // Современные проблемы науки и образования. - 2014. - №5. — с. 80-90.
5. Пассов Е.И., Кузовлева Н.Е., Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования Методическое пособие для преподавателей русского языка как иностранного, Москва, 2010
6. Хасаншина, Р. Г. О некоторых аспектах обучения говорению студентов неязыковых вузов [Текст] / Р. Г. Хасаншина // Вестн. ТИСБИ. — Казань, 2005. — № 2. — С. 142–154.
7. Jacobs G., Farrell T. Understanding and Implementing the CLT (Communicative Language Teaching) Paradigm [Электронный ресурс] / RELC Journal, 34.1, Singapore, 2003. — pp.6-30. - URL: <http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/003368820303400102> (дата обращения: 13.12.2016)

УДК 94 (5) (093)

Валеев Рамиль Миргасимович, д.и.н., профессор
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
valeev200655@mail.ru

Валеева Роза Закариевна, к.п. н., доцент,
Казанский инновационный университет (ИЭУП),

Дьяков Николай Николаевич, д. и.н., профессор
Санкт-Петербургский государственный университет

Мартынов Дмитрий Евгеньевич, д.и.н., профессор,
Казанский (Приволжский) федеральный университет

АРАБО-МУСУЛЬМАНСКИЕ ЯЗЫКИ В РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ (КАЗАНСКИЙ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТЫ) (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)¹

Аннотация: В статье представлен обзор основных событий, имен и направлений, а также некоторых особенностей формирования традиций преподавания арабо-мусульманских языков в университетах в Казани и Санкт-Петербурге в первой половине XIX в.

Ключевые слова: Россия, Восток, востоковедение, арабистика, российское университетское востоковедение, арабо-мусульманские языки

Valeev Ramil Mirgasimovich

Kazan (Volga region) federal university
valeev200655@mail.ru

Valeeva Roza Zakariyevna, Kazan Innovative University

Dyakov Nikolay Nikolaevich, Saint Petersburg state University

Martynov Dmitry Evgenyevich, Kazan (Volga region) federal university.

THE ARAB-MUSLIM LANGUAGES IN RUSSIAN UNIVERSITIES (KAZAN AND ST. PETERSBURG UNIVERSITIES) (FIRST HALF of XIX Century)

Abstracts: The article presents an overview of the main events, names and directions, as well as some features of the formation of traditions of teaching Arabic-Muslim languages at universities in Kazan and St. Petersburg in the first half of the XIX century.

Keywords:

Russia, the East, Oriental studies, Oriental studies, the Russian academic Orientalism, the Arab-Muslim languages

В России во второй половине XVIII – нач. XX вв. формировалась и развивалась система востоковедческого образования, научные, просветительские и мировоззренческие принципы учебной деятельности и комплексных арабо-мусульманский штудий академических ученых и практиков. Арабистика, тюркология и иранистика как комплекс мусульманских дисциплин и научных знаний, а также ключевые направления ориенталистики об истории и культуре арабо-мусульманский народов

---

¹ Исследование выполнено в рамках проектов РФФИ № 18-49-160006 «Ориенталистика в Казанском университете: институционализация и историко-культурное наследие ученых (1769 – 1920-е гг.)» и РНФ № 18-18-00158 «Университетское востоковедение в России: центры, развитие и наследие (1755 - 1920/1930-е гг.)».

становились органической сферой отечественной науки, культуры и русского общества.

Особенно в XVII – XVIII вв. истоки знакомства с арабо-мусульманской цивилизацией связаны с практическим обучением и подготовкой переводчиков арабо-мусульманским языкам, изданием арабского текста Корана в эпоху Екатерины II, русскими переводами Священной Книги с западных языков, переводом и изданием европейских текстов «1001 ночи», повествований об «Агарянах», «Измаильтянах» и «Сарацинах» и т.д.

Переломным рубежом в организации преподавания азиатских языков вполне справедливо связывают с деятельностью Петра I и его указом от 18 июня 1700 г. о направлении в Тобольск «добрых и ученых не престарелых иноков двух или трех человек, которые бы могли китайскому и мунгальскому языку и грамоте научиться». А. М. Куликова отмечает, что «в 1700 – 1703 гг. он стремился наладить преподавание китайского, монгольского, японского, сирийского, древнееврейского, «халдейского» языков [1]. Кроме центрально- и восточноазиатских языков в официальной политике формирующейся империи были представлены также семитские языки. Выявляя некоторые важные правительственные меры об истоках подготовки переводчиков известных арабо-мусульманских языков следует отметить 1714 – 1715 гг., когда Петр I поручил выбрать учеников «для их включения в состав посольства А. П. Волынского в Персию и обучения их там араб[скому], перс[идскому], тур[ецкому] языкам [2].

В последующем можно отметить появление оригинальных переводов классических тюркских, арабских и персидских литературных памятников, составление словарей, грамматик, пособий и в целом формирование целостного структурного видения арабо-мусульманского мира и наследия народов Арабского Востока. На рубеже XVIII – XIX вв. обозначилась эпоха рождения социокультурных и научных традиций отечественных арабо-мусульманских штудий. Этот значимый рубеж, прежде всего, связан с важным составляющим университетской ориенталистики в России в первой половине XIX вв. – систематическим и комплексным преподаванием и изучением арабского, персидского и тюркских языков, сыгравшие исключительную роль в исследовании письменных и материальных памятников и в целом целостным видением историко-географического и культурного пространства арабо-мусульманской цивилизации. В начале XIX в. в Европе и России восточные языки, прежде всего, олицетворялись языками Библии и мусульманских народов [3].

Университеты России, в том числе Казанский и Петербургский университеты в XIX – нач. XX вв. играли важную роль в реализации классической модели «идеала университета» и «университетской идеи» в своих социально-политических, научных и культурных миссиях [4]. Востоковедение и ориентализм (арабо-мусульманские курсы и исследования) как новые гуманитарные направления российской университетской корпорации нового времени становились органичным в реализации идеалов европейского классического университета в «возвышении и распространении науки», «приращении научного знания», в развитии интеллекта и личности студента и т.д. Особенно университетские уставы 1804 г., 1835 г., 1863 г.,

1884 г. развивали институциональные основы моделей классического и прикладного востоковедения высшей школе России. Тенденция усиления и углубления специализации университетского востоковедения на протяжении XIX в. связана как с требованиями «чистой науки» о Востоке, а также подготовки кадров для государственной службы в империи прослеживаются в арабистике, тюркологии, иранистике и исламоведении. Эти региональные университетские дисциплины и направления в Казанском и Санкт-Петербургском университетах особенно в XIX – начале XX вв. органично вплетались в геополитическое, общественное и культурное развитие императорской России. Но особо подчеркнем, что данная образовательная, исследовательская и социокультурная система в университетах сыграла важную роль в ослаблении традиционного европоцентристского и имперского стереотипов о мусульманском Востоке. Также в размытии существующих официальных и общественных стереотипов об «азиатском варварстве», «фанатизме», «мусульманском факторе», «панисламизме», «пантурсизме», «магометанско-татарском», «татаризации», «мусульманстве» и т.д.

В целом университетское востоковедение и арабо-мусульманские исследования в России продемонстрировали различные противоречия между университетом и имперской властью в процессе формирования институциональной модели образования и науки о Востоке.

По итогам известного «обозрения» попечителя Казанского учебного округа Магницкого М. Л. (1778 – 1855), попечитель Казанского учебного округа в 1819 – 1821 гг.) в инструкции ректору университета от 17 января 1820 г. «О языках Восточных» особо указывалось, что преподаватель должен был «ограничиться преподаванием Арабского и Персидского в том единственно отношении, в котором они по торговым и политическим связям для России могут быть полезны» [5]. В Петербургском университете дело профессоров 1821 г. и расправа Д. П. Рунича с «неблагонадежными профессорами» университета. Известные приглашенные французские профессора «Шармуа и Деманж, как люди чести, устранились от участия в грязной провокации и отказались от должности, что привело к тому, что с осени 1821 г преподавание восточных языков шло с большими перерывами, а 25 июля 1822 г оба профессора вообще покинули университет» [6]. И. Ю. Крачковский, оценивая деятельность первого декана восточного факультета Санкт-Петербургского университета Мирзы А. К. Казем-Бека (1855 – 1859 гг.) отмечал, что «пятилетний период деканства был, в сущности, борьбой между практическим и научным уклоном в работе молодого Факультета, где Казембек поддерживал первое направление» [7].

Арабо-мусульманские предметы и курсы сыграли значимую роль в образовательном и воспитательном процессе в российском обществе и государстве.

Особенно в первой половине XIX в. тюркология, арабистика и иранистика в России, включенные в программы университетов приобретают академический и гуманистический характер. Знания и наука об истории и культуре народов мусульманского Востока в России были органично связаны с интенсивными историко-культурными контактами, политическими и

государственными интересами и общественными интересами. В этот период по сравнению с предшествующими столетиями в академической и университетской ориенталистике заметно развитие подлинно научных филологических и историко-культурных знаний в арабо-мусульманских штудиях, появление новых методик и приемов, а самое главное расширилась учебная, методическая и источниковедческая база академической и университетской ориенталистики. Научное и общественное значение российского востоковедения, ее уровень определялся развитием преподавания и изучения мусульманских языков в университетах Европы и России, качественным накоплением объективных знаний о народах и государствах арабо-мусульманского мира и интересом российского государства и общества к их осмыслению. В первой половине XIX в. формируются институциональные структуры и центры арабо-мусульманских исследований, связанные с языками, литературой, поэзией и историко-культурными памятниками древней, средневековой и новой историей и культурой арабо-мусульманских народов особенно тюрков, арабов, персов и других мусульманских этносов и народов.

В истории и культуре народов Поволжья и Приуралья и, конечно, казанского и петербургского центров востоковедения к середине XIX в. арабо-мусульманские исследования занимают важное историко-научное место. Истоки преподавания мусульманских языков в университетах Казани и Санкт-Петербурга свидетельствуют об историко-филологической и сравнительно-исторической направленности и комплексности исследований истории и культуры зарубежного мусульманского мира (Арабские страны, Османская империя, Персия) и историко-культурного пространства «русского ислама» (Волго-Уральский регион, Сибирь, Кавказ, Средняя Азия и Крым).

Истоки официального преподавания мусульманских языков в Казани и скорее всего в империи связаны с Первой Казанской гимназией (1758) при Московском университете, где с 1769 г. с учетом географического положения и наличия тюрко-татарских манускриптов был создан класс татарского языка.

12 мая 1769 года был издан указ императрицы Екатерины II губернатору А.Н.Квашнину-Самарину об открытии татарского класса в гимназии: «...учредить единожды навсегда при Казанской гимназии для охотников того языка и определить учителем оного старой и тамошней адмиралтейской конторы толмача Сагита Хальфина, которого, жаловав в переводчики чином и жалованьем против. Губернского переводчика, как его самого, так и детей его...» [8].

Основные события, свидетельствующие о формировании традиции преподавания мусульманских языков в российских университетах следующие. Впервые в университетах России арабский язык стали преподавать с 1807 г. в Казанском университете, благодаря появлению выпускника немецкого университета Х. Д. Френа (1782 – 1851). Чуть позднее с 1811 г. этот язык был введен в Московском университете. С именем и наследием Болдырева А.В. (1780- 1842) связаны истоки научной арабистики в этом университете.

С 1819 г. арабскую и персидскую словесность в Санкт-Петербурге преподавали профессора Ж.-Ф.Деманж (1789 – 1839), Ф.Б.Шармуа (1793 – 1868) и М.Д. Топчибашев (1790 – 1869), а с 1822 г. арабский язык стал преподавать О.И.Сенковский (1800 – 1858) в Петербургском университете. В 1829 – 1839 гг. г. Б.А.Дорн (1805 – 1881) вел курсы арабской и персидской словесности в Харьковском университете и в 1838 - 1842 гг. в Петербургском университете – санскрит и афганский язык.

Истоки европейской арабистики связаны с более ранним академическим событием, когда в 1538 г. Гийом Постель (1510–1581) был назначен преподавателем арабского языка в Королевском коллеже в Париже [9]. В 1538–1543 гг., он на основе средневековых арабских работ подготовил и опубликовал «Grammatica Arabica», первую в Европе грамматику классического арабского языка. Также следует отметить, что первая печатная книга на арабском языке увидела свет в 1514 г. благодаря папе Юлию II, оказавшему финансовую поддержку венецианскому печатнику Грегорио де Грегори. Она называлась «Книга-часовник» [10].

В целом первая половина XIX в. в истории российской ориенталистики связана с истоками формирования университетской арабистики, иранистики и тюркологии и комплексных культурно-исторических исследований арабо-мусульманской цивилизации.

Начало функционирования первой кафедры восточных языков в университете в 1807 г., в основном ориентированной на мусульманский Восток обозначил новый историко-научный рубеж в истории отечественного университетского востоковедения, который завершается в 1854/1855 гг. в связи с переводом разряда восточной словесности в Санкт-Петербургский университет.

В нашем докладе ограничимся тем, что кратко выявим наиболее важные институциональные и содержательные направления и итоги преподавания арабо-мусульманских языков в Казанском университете. В меньшей степени коснемся этапов становления также первых мусульманских восточных кафедр Петербургского университета – арабского и персидского языков в 1818/1819 - 1855 гг. [11].

В 1800–1829 гг. преподавание одного из мусульманских языков Российской империи - татарского языка в Первой Казанской гимназии и с 1812 по 1829 гг. в Казанском университете вел лектор татарского языка и адъюнкт восточной словесности Ибрагим Хальфин [12]. С его именем связано создание учебных пособий в области татарской грамматики и хрестоматии [13] и совместная с академиком Х.Д.Френом источниковедческая работа по подготовке к изданию «Родословного древа тюрков» Абулгази [14].

В 20-х гг. – первой половине 30-х гг. XIX в. в Первой Казанской гимназии идет формирование системы преподавания арабо-мусульманских языков: в 1822 г. было впервые официально введено изучение арабского и персидского языков с преподавателем Ф.И.Эрдманом; в 1826 г. на должность преподавателя мусульманских языков был назначен Мирза Казем-Бек; в 1827 г. и 1833 г. И.Верниковский назначался преподавателем арабского языка; в 1828 г. А.Онисиоров стал преподавателем татарского языка; в

1833 г. К.Фойгт был утвержден преподавателем персидского языка; в 1835 г. Мирза Казем-Бек стал преподавать турецко-татарский язык; в июне 1835 г. по докладу министра народного просвещения С.С.Уварова утвержден указ Николая I о введении преподавания в программу гимназии г. Казани арабского, персидского, татарского, монгольского языков с целью подготовки переводчиков для ведомств империи и т.д.[15].

В 30–50-е гг. XIX в. был сформирован основной преподавательский состав по изучению воспитанниками гимназии мусульманских языков: в апреле 1836 г. на должности преподавателей и практикантов восточных языков были утверждены – М.Казем-Бек (турецко-татарский язык), К.Фойгт (персидский язык), М.Первухин (арабский язык), Н.Сонин (практические занятия по персидскому языку), мулла М.Алиев (практические занятия по турецкому языку); в январе-феврале 1843 г. М.-Г.Махмудов был назначен преподавателем мусульманской каллиграфии и до 1855 г. преподавал также турецко-татарский язык; в сентябре 1845 г. Абд.Казем-Бек определен сверхштатным лектором турецко-татарского языка; в 1848 г. на должности восточных языков были назначены – В.Михайлов (татарский язык), К.Попов (персидский язык), Н.Навроцкий (арабский язык), в декабре 1852 г. Ахмет бен Хусейн назначен надзирателем живого арабского языка; утверждена «таблица распределения уроков по классам» с восточными языками – арабский, персидский, турецко-татарский, монгольский, китайский, маньчжурский и т.д.

В 1830-1850 гг. были составлены основные методические программы для мусульманских языков – «Распределение преподавания арабского, персидского и турецко-татарского языков» Ф.Эрдмана, «Распределение преподавания арабского, персидского и турецко-татарского языков» А.Казем-Бека.

Теоретическая часть преподавания в гимназии мусульманских языков включала следующие положения – «чтение и письмо» (IV класс); «подробное изложение этимологии» и «легкие переводы с тщательным этимологическим разбором и объяснением» (V класс); «краткое систематическое изложение синтаксиса» и «продолжение переводов» (VI класс); «продолжение чтения» и «толкование трудных переводов» (VII класс) и другие.

Практическое преподавание должно было ориентировать надзирателей: на «чтение печатных сочинений и рукописей, писанных разными почерками, с особенным наблюдением за правильным произношением» (IV–V классы); «составление фраз из заученных слов» или «устные переводы», а также «разговоры» на азиатских языках (V–VI классы); «заучивание наизусть и декламация избранных поэтических отрывков, и упражнения в сочинении частных писем и деловых бумаг, употребительных в общежитии» (VII класс) и т.д.

Важным организационным и методическим направлением изучения азиатских языков, в том числе арабо-мусульманских стала реализации идеи и принципов практической интеграции гимназических и университетских курсов восточных языков. Эта установка была осуществлена только в Казанском университете в первой половине XIX в.

Историк университета Н. П. Загоскин в начале XX в., выделяя характерную особенность учебных отделений отмечал, что «...на отделении словесных наук положена, - ввиду исключительного положения Казанского университета, - самостоятельная кафедра восточных языков» [16].

В первой половине XIX в. Казань и особенно университет становятся одним из центров организации изучения мусульманских языков и в целом Востока в России и Европе. Один из основоположников казанского университетского востоковедения О.М.Ковалевский в «Кратком обозрении хода и успехов преподавания азиатских языков при Казанском университете» отмечал, что Казань «в последнее десятилетие... после столицы, приобрела известность как рассадник азиатской учености»[17].

Университетский устав 5 ноября 1804 г. предусматривал на словесном отделении профессора восточных языков и лектора татарского языка. Указом Александра I от 10 июля 1807 г. доктор философии и профессор Ростокского университета Х.Д.Френ (1782–1851) был назначен ординарным профессором восточной словесности в Казанском университете (1807–1817). Также приглашенный немецкий пастор, гебраист-экзегет Барендт Иоганн Готфрид (Иван Богданович) (? – 1805) в Харьковский университет для чтения еврейского языка и филологии восточных языков (1803 – 1805) и Френ Христиан Мартин (Христиан Данилович) в Казанский университет стали первыми российскими университетскими востоковедами из Европы. В первой половине XIX в. для университетов Казани, Санкт-Петербурга и Харькова характерен способ приглашения выпускников европейских университетов немецкого и французского происхождения. В Московском университете осуществлялся модель поиска «кандидатов среди русской молодежи» и профессиональной подготовки востоковедов в университетских центрах Европы [18].

Эти официальные мероприятия положили начало формированию преподавания мусульманских языков в университете и в целом казанского университетского центра арабо-мусульманских штудий в России и Европе в XIX – нач. XX вв.

Преподавание «магометанских языков» и арабо-мусульманских исследований в разряде восточной словесности Казанского университета в 1820–1854 гг. осуществлялись профессорами и преподавателями арабо-персидской и турецко-татарской кафедр сформированные на базе первоначальной кафедры восточной словесности университета 1807 г.

В 1828 г. были образованы первые две специализированные кафедры турецко-татарской словесности, возглавляемые до 1846 г. А.К.Казем-Беком (1802–1870), а с 1846 г. экстраординарным и с 1854 г. ординарным профессором И.Н.Березиным (1818 – 1896) и арабо-персидской словесности, руководимой до 1845 г. Ф.И.Эрдманом (1793–1863), в 1846–1849 гг. – А.К.Казем-Беком, в 1849–1855 гг. ординарным профессором И.Ф.Готвальдом (1813 – 1897).

Таковы лишь некоторые важные факты и процессы феномена развития научных дисциплин и дисциплинарности университетского востоковедения в России, связанные с мусульманским миром. Такая специализация диктовалась не только внутренним ходом развития классического

востоковедения, но также внешними политическими и социальными процессами во взаимоотношениях России-Востока-Запада.

Обозначился новый качественный рубеж в изучении географии, истории и культуры мусульманских народов в российских университетах, особенно ярко проявившийся в миссии Восточного факультета Санкт-Петербургского университета на рубеже XIX – XX вв.

В середине XIX в. арабистика, иранистика, тюркология и в целом арабо-мусульманские штудии как комплекс знаний и научные направления ориенталистики по истории и культуре мусульманских народов благодаря миссии университетов становились органической сферой отечественной науки, культуры российского государства и общества.

Страны зарубежного мусульманского мира – Османская империя, Персия, Арабский Восток и регионы традиционного распространения ислама Российской империи (Поволжье и Приуралье, Кавказ и Средняя Азия, Крым) стали объектом исследования в трудах и статьях казанских и петербургских университетских востоковедов.

В 1829 г. Мирза А. Казем-Бек на торжественном собрании Казанского университета в своей «Речи о персидской поэзии» на фарси говорил: «Тема выступления вашего покорного слуги, которое вниманию сведущих господ будет представлено, касается поэзии на персидском языке. И старание, и желание мое таково, чтобы познакомить вас с отрывками из неё на языке, который является бесценной жемчужиной выразительности, совершенства и изящества, особенно учитывая, что сегодня восточные языки среди европейцев приобрели совершенную популярность, и многие из великих людей государства и господ учёных обратили взор в их сторону» [19].

Исследование истории и культуры народов мусульманского мира в двух университетах Казани и Петербурга в первой половине XIX в. было сконцентрировано по следующим основным направлениям – подготовке и изданию учебных программ, пособий, учебников, хрестоматий, словарей; комплектации фонда восточных рукописей и книг; сбору, изучению и публикации письменных и материальных восточных памятников и источников; переводов восточных авторов; осуществлении научных путешествий на мусульманский Восток; переводных и оригинальных филологических, исторических, культурологических, естественно-географических, археологических и этнографических публикаций и т.д.

Заканчивая наше выступление, отметим только следующее. На рубеже реорганизации университетского востоковедения в 1855 г. один из официальных документов Казанского университета сообщал: «Главную и существенную потребность края, для которого Казань служит средоточием, составляют мусульманские языки: в этом случае восточный факультет при Казанском университете, как относительно своих преподавателей, так относительно и воспитанников и учебных пособий, вполне удовлетворяет всем требованиям, распространяя вместе с практическим знанием мусульманских языков, основательное и верное знакомство с историей и настоящим положением мусульманского Востока...» [20]. В дальнейшем этот социокультурный и историко-научный образы востоковедения и особенно перспективы арабо-мусульманских исследований в Казанском

университете оказывали огромное позитивное влияние на высокий научный и просветительский имидж университета и в целом на развитие науки о мусульманском Востоке в истории отечественной культуры и научных исследований XIX – начала XXI вв.

Литература:

1. Куликова А. М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. – 1917 г.). – СПб., 1994. – С. 13.
2. Куликова А. М. Востоковедение в российских законодательных... – С. 63.
3. Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. – Л., 1925. – С. 232.
4. Андреев Ф. Ю. «Идея университета» в России (XVIII – начало XX в.) // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начало XX в. / Отв. сост. А. Ю. Андреев. - М., 2009; История университетского образования в России и международные традиции просвещения. Т. 2. / Отв. редакторы Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. – СПб., 2005 и др.
5. Высочайше утвержденные в 17 день генваря 1820 года две инструкции. Ректору Казанского университета, относительно к учебному образованию студентов // Журнал департамента народного просвещения. – 1821. – Ч. 2. – С. 56.
6. История отечественного востоковедения до середины XIX века. – М., 1990. – С. 145 – 146.
7. Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики // Избранные сочинения. Т. V. – М. - Л., 1958. – С. 89.
8. Владимирова В. Историческая записка о 1-й Казанской гимназии. XVIII столетие. - Казань: университетская типография, 1867. - Часть 1. - С.45. В Указе Правительствующего Сената об учреждении гимназии в г.Казани от 21 июля 1758 г. было написано: «Правительствующий Сенат, по доношению Московскаго Университета, коим объявляет: что де для размножения наук в Империи необходимо надобно учредить, кроме Москвы и Петербурга, Гимназии, из которых бы молодые люди, оказующие успехи своего понятия и учения, могли выходить в Московский Университет и Петербургскую Академию для обучения наук, получив в том месте первыя основания...» [ПСЗ.-Т.15.-С.242].
9. Toomer G.J. Eastern Wisdom and Learning. The Study of Arabic in Seventeenth-century England. – Oxford, 1996. – P. 26.
10. Hitti P. K. The First Book Printed in Arabic // The Princeton University Library Chronicle. – 1942. – 4 (№ 1) (November). – P. 6.
11. Подроб см.: Куликова А. М. Становление университетского востоковедения в Петербурге. – М., 1982.
12. НА РТ. Ф.87. Оп.1. Д.8794. «Об определении учителей Казанской гимназии французского языка Лейтера и татарского Хальфина лекторами 1-го немецкого и последнего татарского языков при

- Университете. 7.07.1812 г.” 16 лл.; Там же. Ф.92. Оп.1. Д.1245.”О прибавке жалования лектору Хальфину. 2 апреля 1820 – 29 апреля 1820гг.” 20 лл.; Там же. Д.1473. “О выдаче лектору Хальфину заимообразно 500 руб. 22 августа 1821 – 2 сентября 1821 гг.” 4 лл.; Там же. Д.3003. “О смерти адъюнкта Хальфина. 25 января 1829 г.” 8 лл.; Там же. Д.3084.”О производстве вдовам и детям умершего адъюнкта Казанского ун-та Хальфиным пенсий”. 19 июня 1829 г.” 3 лл.; Там же. Ф.977. Оп.Совет. Д.176. “Документы о разборе Советом университета конфликта лектора И.Хальфина с женой. 3 – 21 января 1814 г.” 10 лл.; Там же. Д.486.”Переписка с попечителем Казанского учебного округа, представление лектора И.Хальфина о разрешении студентам Юнакову и Бовину жить в Татарской слободе для практического изучения татарскому языку. 20 декабря 1819 – 2 марта 1820 г.” 3 лл.
13. Азбука и грамматика татарского языка, с правилами арабского чтения. – Казань, 1809; Изд.2. – Казань, 1812; Жизнь Джингис-хана и Аксак-Тимура, с присовокуплением разных отрывков, до истории касающихся, коих все слова для обучающихся расположены по алфавиту. – Казань, 1822; НА РТ. Ф.92. Оп.1. Д.46. “О напечатании Азбуки и Этимологии татарского языка, сочиненной при Казанской гимназии. 30 марта 1804 – 12 мая 1804 г.” 2 лл.
14. Мазитова Н.А. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете. – Казань, 1972; *Валеев Р.* Соображаясь с образом мыслей нашей нации...! // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 1997. – № 1/2. – С.54–61; НА РТ. Ф.977. Оп. Совет. Д.679. “Выписки из протоколов заседаний Совета и переписка с попечителем Казанского учебного округа, правлением и ректором И.Хальфина о рукописи Абулгази Багадур хана “История о монголах и татарах”. 5 марта 1821 – 20 сентября 1823 г.” 8 лл.
15. Куликова А.М. Востоковедение в российских законодательных... – С.347–348.
16. Загоскин Н. П. История императорского Казанского университета. – Казань, 1902. – Т. 1. – С. 11.
17. Государственный архив Республики Татарстан. Ф.92. Оп.1. Д.5357. Л.34.
18. Бартольд В.В. Работы по истории востоковедения // Сочинения: Т.9. – М., 1977. – С. 42.
19. Наследие Мирзы Казем-Бека: История и современность: Доклады и сообщения Международной научной конференции (г. Казань, 20–21 ноября 2013 г.). – Казань, 2014. – С. 478.
20. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6902. Л. 57.